

Инга Кузнецова

Воздухоплавания

Инга Кузнецова

Воздухоплавания

Москва

«Воймега»

2012

УДК 821.161.1-1 Кузнецова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К89

Художник серии — Сергей Труханов

И. Кузнецова

К89 Воздухоплавания. — М.: Воймега, 2012. — 84 с.

ISBN 978-5-7640-0132-6

© И. Кузнецова, текст, 2012
© С Труханов, оформление, 2012
© «Воймега», 2012

Краткосрочный свет

* * *

опять озноб восторг канатоходца
и страха нет
то бог-жонглёр подбрасывает эту
планету
в ладони он её качает будто
прикидывает нетто-брутто
подбросит и смеётся

и каждый шаг даётся с непривычки
как в детстве зажиганье спички
опасный краткосрочный свет
ты упадёшь однажды как монета
всем звонким телом
страха нет

где есть игра где жест в начале мира
тебе не стоит плакать и бояться
твой лучший номер с пластиковой лирой
после паяца

иди-иди раз чувствуешь сильней
вращение земли
вращайся вместе с ней

* * *

мозга зверёк бессонный
пробует вкус озона
тычется острой мордой
в шорох сухой и твёрдый

глаза у него как у страха
тело узкое вроде ласки
по запаху резкой леске
в окно и пропал в перелеске

спокойно давай без эмоций
из зарослей ежевики
конечно он не вернётся
попробуй внутри поживи-ка

* * *

Небо такое блестящее, что кажется, будто летит
группа стеклянных предметов.
Пока парашютов петит
прочтёшь, думаешь: это небесных существ запасные
крылья,
а может быть, наши сны.

Сверкают, колеблются.
Или так выглядит время? Хотя
есть ли у времени форма?
Едва ли. Дитя
смотрит на солнце. Слеза, омывающая роговицу,
длится и длится.

Сквозь неё,
сквозь прозрачное детство, через мальчи-
шеский интерес к фонарям и расклейке афиш
с помощью крана,
к фольксвагенам-опелям-фордам,
лестницам, люкам,
собачьим мордам,

лицам, — время летит и сверкает.
Инверсионный след
самолёта как смелая строчка.
На ней розоватый свет.
Небо не гаснет.
Чудо легче, чем шутка,
чем одуванчиковый парашют.

* * *

Птица падает вниз, а человек —
как бы о нём философы ни говорили
(что, мол, двуногий без перьев, то есть без крыльев) —
падает вверх.

Всё, что случилось, само набирает смысл,
как земляника — сок, странность — сновиденье.
Времени рвы смыкаю и, что ни день, я
ближе к ядру зимы.

В капсуле праздника, в центре густой Москвы
жду левитации просто, не изумляясь
физике новой. По-прежнему непривычна
только земля.

* * *

рыбы машин плывут почти задевая друг друга
весело и упруго
скачут мячи фонарей
между деревьев тени внезапные глыбы
мир спасибо
за вечер открытых дверей

города переулки гулко скатываются в копилку
памяти пишушей под копирку
солнечный свет как янтарь
прячется будто ребёнок под одеялом

грязным котищем бежит по подвалам
мёрзлый январь

чашки коленей позвякивают на ходу
впрыгнешь в автобус в это гигантское чрево
станешь наживкой увидишь морскую звезду

кит тебя тащит скользя по неровному дну
поздняя ветвь мирового подводного древа
липнешь разиня к стекла вологодскому полотну

зрение анестезия

эта дорога странный донный ландшафт
на рукавах и варежках твёрдая влага
пишешь во тьме не видя карандаша
неизвестными буквами по незнакомой бумаге

* * *

Моя родина — ты, белый воздух и после дождя
непролазная грязь.
Сердце глупой спринцовкой сжимается. Дождь переждав,
выживу и на этот раз.
Нужно быть разноцветной и позитивной,
занимательной, как Сигизмунд
Кржижановский. Кто знал бы, как бесперспективно
мне в эти десять секунд.
Точно темечко, тонкой травой зарастает,
сжимается навсегда
сказанное. Семечко отлетает,
падая в никуда.

* * *

Жизнь убегает, точно муравей,
по тыльной стороне ладони.
Потом теряется в сухой траве.

И вот приходит смерть, как новичок,
и замирает, точно вор на стрёме
в пустынном доме. Далее — молчок.

Когда летит прозрачное с небес
на дальний лес,
всё кажется приветливым и ярким,
таким подарком!

А муравей бежит между стеблей.
А человек уходит меж деревьев.

...В горячем небе, в голубом стекле,
парит душа — крылатая без перьев.

День прибывает

* * *

нежный шар винограда фонаря
вызревает во тьме декабря
и в свеченьи видна до утра до нутра
жизни жуть кое-как говоря

жизни суть что вечерние люди несут
и растроченной нежности шум
то что держит тебя на плаву на весу
и приходит собакам на ум

ты идёшь как взрезаешь неплотный пирог
а в начинке декабрь и апрель
ты читаешь его меж домов между строк
и проводишь свою параллель

ты идёшь и летишь ты дрожишь на лету
и проводишь двойную черту
всё что видишь мгновенье на нежном свету
виноградиной держишь во рту

Мemento мори

на зелёном холме островки пожелтелой травы
помни о смерти
перепрыгивая через ямы воронки и рвы
вскрывая конверты

шар надувной и бутылка мартини в машине
обгоняющей
думай о смерти
чтоб она не спешила замешкалась в мешковине
времён круговерти

шарик хрустальный в ладонь принимая в двадцатом концерте
Моцарта
глядя на длинные пальцы китайского пианиста
думай о том как нежно и чисто
говорит он о смерти

чисто белеет рубашка и ёжик волос не сливается с фраком
лестницей пальцы бегут и откроют полночному гостю
кто там теперь
ловит хрусталь лодочной горстью
кто же второй вышел из мрака

свет зажигается утро аплодисменты
смерть отменяется сколько ещё перемен ты
с рвущимся в сердце звонком угадаешь
о смерти
помни смейся и смей

Комната-кит

Комната, плавающая, как кит,
в сумерках. В ней твой Иона спит.
Твой телесный двойник к стенке чрева приник,
ты же держишься за плавник.

Ты снаружи, ты в сумеречной волне,
ты с распахнутым сердцем в раскрытом окне.
Небывалое море стремится и влечёт.
Всё, что знаешь, — наперечёт.

Неужели, душа, ты не птица и речь,
но амфибия, нимфа? Лететь или течь —
всё едино: вода и воздушный поток,
чешуя и волос завиток?

Ты нагая, душа. Без пера и руна
от начала времён ты стоишь у окна.
Плавниками, руками этот мир впереди
обними, а Иону буди.

* * *

запутанность веток
 растущих из струнных концертов
стремительность скрипок
 листья разлетелись без скрепок
скребущие буквы сбежали
о Бах мой ты крепок
 разматывай свиток
в последнем вагоне из центра

осколки стекла
 высыпаются из клавишинов
органное небо темнеет
 о Бах мой как сильно
ты веришь а город крошится
 и хором окраин
как можешь ты быть так заранее ранен

идти с плеером эмпэтри
 и не чувствовать шумной
толкучки по музыке умной
 бесценной безумной
ступать по-индейски неслышно
 не чувствуя лишней
себя

Пробуждение

дворничьих мётел тщательный шорох
высох и бьётся запутавшись в шторах
бабочкой-книжкой пугающе тонкой
веки стянуты плёнкой

сбивчивой музыке водоразбора
робкая мебель плохая опора
сердце в корзину баскетболиста
вброшено падает в листья

смена теней и бликов
детских и птичьих криков
веток промокших всплески
туман или занавески
слуховые фрески

веки срастаются утро незрело
медленно катятся яблоки зренья
под сновиденья прохладной кожей
будто мячи в прихожей

парки померкли разъехались цирки
время растительной чистки и стирки
графики галок письма и помарок
мёдом пахнущих марок

смена заботы ноты
главной о как давно ты
не заглядывала
в запасные свои блокноты
не просвечивала темноты

День прибывает

день прибывает как поезд день прибывает
к острову тела бутылкой стеклянной с посланьем
день открывается в чаще внезапной поляной
день до поры в скорлупе темноты пребывает
и вылупляется день как вода прибывает
день ото дня наводнение дня так бывает
день расцветает как белая лилия лета
день от бутона рассвета живёт до заката
вечером свёрнутый день прошивает цикада
катышек дня зацепился за краешек платья
как он не хочет теряться упасть откатиться
взмахами крыльев сбивают вечерние птицы
дня лепестки лоскутки отголоски остатки
день погибает погиб значит только в зачатке
в чёрной своей скорлупе а проснёшься увидишь
день вылупляется издалека прибывает

* * *

птицы с шумом падающей штукатурки
сыплются с неба их зябкие фигурки
крошки хлеба высматривающие в сугробах
мешают дворникам в рыжих робах

на короткий скребок жестяной лопаты
наваливается звук резкий и виноватый
перед выстуженной тишиной дворовой
правильной и суровой

вот и январь без оттепелей послаблений
поскользнуться но распрямив колени
свет вдохнуть и нежный огонь затеплить
в плавком теле

этот снег останется на перчатке
этот свет останется на сетчатке
эта музыка в подъязычье
набело запишется следами птичьими

Буковка осталась

* * *

Вечер красив, точно первобытный пейзаж:
диплодокова нежность многоэтажек,
детской горки остов и входящий в неистовый раж
джип-носорог. Как нелеп он и тяжек.

Он ноздрями огней раздвигает неправильный двор,
роет мордюю снег, зеленеющий под фонарями
(эти мха островки с запёкшимися краями).
Наливается кровью, глаза в упор.

Дом травояден — невинное логово мух,
облепивших его, прокусивших до норок квартирных.
Как похоже на «з-з» завсегдатаев пенье эфирных
и на «ж-ж» наше чтение вслух!

Мелочь пузатая, думаем мы, что давно
проживаем — уже измениться могли б. Птеродактиль
самолёта мигает во тьме. Время дует в окно,
разрушая анапест и дактиль.

* * *

Собаки по полям средневековья
бегут к тебе, проваливаясь в снег.
А ты не смотришь. Выйти не рискуя,
стоишь за деревом и лишь покоя
желаешь, поздний человек.

Что музыки высокая серьёзность
и девичья прозрачность рук?
Что битва в полный рост? Лишь твой испуг
безмерность вызывает, лишь нервозность.
Вот человечества нелепый возраст —

ты скажешь. Образы от равнодушных век
уходят, и бессмысленней пространство.
Артериальной крови христианства
и варварству пассионарных вен
ты, вялый, не найдёшь замен.

* * *

Уходишь вглубь дупла, в смолистые места,
навстречу короедам-буквоедам.
И только музыка стеклянного листа
дрожит, как нагота, об этом.

Никто не видел, что утраченный бинокль
подсказывал растерянной сетчатке.
Но чем прекрасней музыка, тем вопль
отчаянья страшней в остатке.

Откуда клеткам знать, что дальние миры
буквальной, чем нажатие болезни,
и дни-слова, что мозг присвоил, не открыв,
для ближней жизни бесполезны?

* * *

из завитка волос здесь вырастает лес
любовь смешна как бабушкина лупа
разбить её в сердцах ведь доверяться глупо
тому кто помнит времени в обрез

что делать кислород как стылая вода
ни выпить ни вдохнуть ни закричать как птица
ты говоришь своё двусмысленное да
скорей из любопытства

всё порастёт и речь трава на пустыре
и я в её стеблях как ломкое тире
любовь стекло и преувеличенье
и лес Анри Руссо
горячий сок
стучит в цветок растоптаный висок
а ты как знак с потерянным значением

* * *

в автомобильной капсуле
в темноте
думаешь об абсо-
лю-
те
пока бросает тебя дорогой
а-ля рюсс
особенно ясно (проверить не пробуй)
что тело груз
сердце твоё небольшим сизифом
вкатывает его
на голубую вершину мифа
результат нулевой
на снег что дворник крошит лопатой
наслаивается летний день
ярко-зелёный шероховатый
что твой лоден
всё что снаружи перевираешь
пугаешь расщепив
видишь внутри и перебираешь
с точностью ощупи

* * *

Не сбивай меня с толку. Я не хочу разрастись на пустом месте.

Не лови моих слов незнакомым стёршимся ртом.

Остановимся на полужесте.

В сердце флюгера звук, проскрипевший насквозь все возможные повороты.

Никогда мне не путать тоску и Москву с твоей горечью, что ты.

Никогда не узнаешь, что тщательно, наверняка было так испорчено нами,

что теперь и слова, и деревья, как облака, прорастают в воздух корнями.

* * *

всё остыло буковка осталась
страшно потерять
эту исчезающую малость
литера-
туру ничего уже не помним
(стёрлись полюса)
как народ бросал камни и комья
за ограду полиса
ах поэты и жалеть не надо
об универсальном языке
без награды шляйтесь вне ограды
думая о му-зы-ке

* * *

я мама и мамонт а шкура у меня внутри
снаружи стекло не дотрагивайся смотри
всё то что я чувствую вспыхнет бегущей строкой
а зверь из меня никакой

сама и не знаю как вывернутая наружу
космата стеклянна я вынесла жар и стужу
и не раскололась и не вымираю с ребёнком играю
пока протираются линзы и чистятся ружья

пока не готовы прицелы и окуляры
не прячусь не надо раскопок оставь микроскопы
нас много мы были в начале нас долго не замечали
стеклянные мамонты стойкие экземпляры

Книга реки и осоки

0.

смыслы воздуха плотнее чем гранит
вспышки яростного звукового зренья
на каких носителях хранить
только на стихотвореньях

слов косматость колебанья жизнь
междометий насекомых
передать иначе не суметь
как нагишом и босиком

рассказать с какою скоростью
двигалось во мне свистело
сбросившее кору корысти
внутреннее тело

как сливались трогающая рука
и небес накопленная тяжесть
как ты раной имени мелькал
в буквах уличных растяжек

как теперь и вещи и слова
вдруг срослись и стали однородны
как хотелось звук поцеловать
запредельный заприродный

1.

наводнение а сердце не может плавать
песок а оно не умеет на велосипеде
ну давай сердце-лава рули влево-вправо
не вступай в прямые беседы

всё сначала
 подгнивающие колоды
слов ни поднять ни понять диафрагма батут
прыгает сердце оно не лодырь
падает сердце в колодец
оно там и тут

понимаю экспрессионистов
 виртуальные нежности производят
грозы междугородние
 чуть прибывает пыль
здесь — у тебя встают и обрушиваются жестяные заводы
на глазах возбуждённой толпы

жарко поджарое сердце бежит впереди меня как собака
натягивая поводок
по облакам забрызганным
 некогда лакать и плакать
облаков транспортный поток

вот и автобус сжимается сердце
 прячась в карман нагрудный
«огнеопасно» надписи
 это сквозняк или крушения дрожь
сердце превращается в гонщика
 разбивается не боясь но
сообщения не проходят
дождь

в воздухе в сетке памяти бьётся тяжёлый вымысел
сердце в воде ты под водой
 космос сплошной водоём
впадинка на запястье пульсирует
 тело вынеси
как приём
 есть приём

2.

паника почва уходит под воду
люки скамейки парка столбы фонари
птицы заглядывают за край небосвода
только дыши ничего не говори
звуки створаживаются и превращаются в вещи
сталкиваются путаются в тонущих облаках
рыбы какие-то человечьи
бродят по дну с младенцами на руках
нет горизонта всё прозрачно и плотно
люди и птицы деревья и корабли
скалы и книги всё однородно
всё забывает о тяжбе воздуха и земли

3.

путаю кнопки и полушария
времена английские русские города
внутривенно ввели пожары но
я вода я давно вода

так бывает в старинном танце и
плеск и пламя о как горит
наша лодочная станция
небо воск озокерит

нет забвения но сознание
так текуче так глубока
неизвестная тебе ранее
раненая река

4.

зверь нетерпение замер заперт
тяжко
медлительная сиеста
вяжет зевак невнимательный раппорт
жизни и смерти свиваются вместе

всё ожиданье как масло отжато
жаворонки попадают в воронку
времени
в сумерках их провожатый
чуть оперившийся воронёнок

дети в песке добывают остатки
пуговики камешки стёкла ракушки
джунгли впечатанные в сетчатку
мятое ватное лето-подушка

зверь просыпается прутья бояться
им прогибаться дрожать и звенеть
зверь начинается битва твоя за
джунгли разросшиеся во мне

5.

я только и могу
что идти по волнистому воздуху по проводам
выцветшим городам
и просить уважительно посторониться
усталых птиц
я только и могу
что смотреть как быстро
впитывается вода
в песок а время в лица

о как целуются пересохшими хоботками
капустницы над цветками

я только и могу
что падать в траву
сталкиваясь с запоздалыми июньскими жуками
скатываться в овраги
я не реву
рвать и комкать тело из бумаги

лес малинный
ты дразнишь разницей всякого естества
и человеческого текста
бузины бы синичьей наестся
лягу ничком
лес твой тест на
просветы проходит одна листва

о как целуются пересохшими хоботками
капустницы над цветками

с земляникой сникаю
с зябликом зябну
в мох зарываюсь как рыжик
говорю о любви
перед сонмами мошек и муравьёв
поднимаюсь лечу вот и плоские крыши
нёбо неба наполнено до краёв

по неровному воздуху как парашот
одуванный
о западный ветер давай ну
я тебя прошу
изменяется
так расстояние меж городами
не одолеешь годами

ничего не поделаешь
лета таблетки глотать
пилюли июля
небо сомкнулось
с бабочек сыплет пыльца
только б успеть закрепить на сизом крыле
голубя
грохот
бегу и скребу по земле
лист я
хочу чтоб меня развернули
ливень
прочли до конца

о как целуются влажными хоботками
капустницы над цветками
тяжёлыми точно из мокрой ткани

б.

вот и конец
месяца смерть обещалям
лак обечайкам
сердце-птенец
чуть оперён
жизни пока
необучаем

вот и финал
лета в его сердцеvine
боснии-герцегоvine
вот и казанский вокзал
страшно сказал
вечности нету в помине

сгнившие доски
ракиты и скрип
скрипки уключин
вот отголоски
оркестра вдали
клич невезучей трубы
концерт неуклюжий

вот и тоска мегаполиса
жуть
так муравейна
так откровенна
выносить по лесу б
нежности шум
ветер ввести внутривенно

вот и неверия шок
жалкий расчёт
как каталог
без персоналий
нет поупрямься ещё
буйствуй ещё
пассионарий

смерть обещаньям
отпор
фразам расхожим похожим
друг на друга
даёшь с этих пор
власть тонкокожим

власть кистёперым
что прибывает к теплу
тела приливом
мимо того кто рассудочно груб
власть тем кто нежен и глуп
нетерпеливым

детям фонтаны секреты
влюблённым мосты телеграфы
качели
этим декретом
волю жирафам
солдатам
весну боттичелли

смерть обещаньям
сомненьям словам «точно»
обвалам височным
необычайно
летающему лету в тебе и во мне
пропуск бессрочный

7.

жёлудь без шляпки
закатывается под босую
ступню
кошка пружинит на ловких лапках
здравствуй песчаный ветер
свобода ню
я тебя рисую
картинку ко сну
пришпиливаю булавкой

это не то что вправо пойти и коня
потерять
это не то что вернуться внутри остаться
это вакации ветра
облака гонять
в ритуальном танце

как хорошо всё едино любой пустяк
беспечность воздуха и увядающая осока
в кармане
рука испачканная до локтя
алой зелёным
кровью соком

земляника учит не отрываться боль
не расставаться с нежностью вопреки но
фолликулярная в горле цветёт любовь
ватную палочку и в люголь
прижигать голову запрокинув

здесь не опора
распахнутость и окно
сердце стучит как на стыках состав казань мо-
сква здесь сквозняк и сказание заодно
в радость и наказанье

8.

ожидание поднялось
чан прикрой полотенцем
тесно тесту
тепло
некуда деться

в горле комок
клубок
пряжи волнистой в кармане
в синей рубашке из грубой ткани
вечер взмок

прохладная простота
кувшина
скупой орнамент
оранжевый
текст бы раскатать
схватился намертво

выпечь солнечное колесо
лабиринт чудовище
и героя
круглое как щит лицо
тонкое второе

9.

утром шнитке
перевернутый шлем
мотоциклетный
небо летнее
из-за ветра подкладка совсем отошла
и махрится тысячей перистых лемм
сбой симметрии
страх любого числа
сердце на тонкой нитке

вечером альбинони
как шныряют в погасшей траве
дай им жизни хотя бы по две
жуковатые вороватые
деловитые муравьиные
бабочка села на пальцы
тащит складной парашют
дай им небо тебя прошу
без церемоний

утром шнитке
лягушачья азбука
невозможный накал
жизни едва проснётся
утром шнитке
что же будет днём
неба шлем вверх дном
и человек в нём
собеседник солнца
на птичьём снимке

днём переменная облачность
джаз
возможны порывы
ветра до тридцати метров в секунду
ураганное предупреждение
плач
к вечеру обещали грозы
обрывы
линий электропередач
нерест придонной рыбы
в стихах и в прозе

вечером альбинони
вечером волглая тишь
время посылок
пакую трещины плиток
огромную каплю росы
о как стрекочет кузнечик
бросаю его туда же
укладываю пейзажи
уже темно не
принимают
вторая попытка
утром шнитке

10.

ничего и не будет будто
кроме бунта
кроме грубого грунта
ни к чему скрипки банты пуанты
всё насмарку
мы арестанты

мы заложники интерьера
ну какая же здесь хабанера
здесь фанера
родные хибары
струйки дыма
а может и пара

горький шёпот
а может быть клёкот
тихий лепет
а может и грохот
гулкий оклик
а может быть окрик
не реальность
а миф и апокриф

есть ли я
усомниться попробуй
колея
мой высоколобий
так подтоплена
до того размыта
что подобна
речке Гераклита

не письмо
а всего дыханье
не тесьмой
просто нервной тканью

заросло всё
и перевито
биты вещи слов
только не реви ты

11.

лист августейший
прожилки твои целую
лист а давай куролесить
напропалую
не пропадём
но как следует побалуем
песню споём удалую
как долго сидела в углу я

лист а представь я букашка
беспечна и вёртка
лист желтокрылый
решим путешествовать твёрдо
жизни не жалко
и лужи не страшно и птицы
что прилетела проститься

лист августейший
твоя начинается воля
после паденья сверженья
разрыва раскола
я как и ты
у меня никаких полномочий
только ты мне в силах помочь

лист ну давай отрываться
не зависай а
невесомый мой что же пора
на поля хokusая

лист мой повеса
к чему здесь увёртки ужимки
ослабели пружинки
я целую прожилки
летим

12.

дерево погибает
в дереве зреет раскол
засыхает ствол
боковая ветка становится главной
переход этот смелый и плавный
звук гобоя
орешник зацвёл

о рябинный глубинный обиженный бог
выгляни между строк
на краю удивленья ночного
на краю удивленья ночного

светом облитый с лихвою
в городе зреет сентябрь
в летней маске шутя
растянутые дни растяп
он смешивает с листвою

о рябинный глубинный обиженный бог
выгляни между строк
на краю удивленья ночного
на краю удивленья ночного

я споткнулась качнулись слова
дикорастущие их собака
обнюхала расцеловать
хотелось лицо её и заплакать

тебе по течению вниз
отправить орехов и низку ягод
весёлой возни
сницам летягам твоим хватит на год

о рябинный глубинный обиженный бог
выгляни между строк
на свету озаренья дневного
на свету озаренья дневного

13.

свобода прохлада
а большего счастья не надо
простейшая низка фасадов
на линии взгляда
нельзя и не надо
а всё же
мурашки по коже
нет-нет ничего я в порядке прохожий

садовники спят
а растения в утренней саже
беседуют о третьяковке
и эрмитаже
обсуждают доклад
человек инородное тело
в августовском пейзаже

устала простыла
а может и вправду остыла
смятение снято
пустырником с мятой
прости я
встречаю тревогу лицом

но сжимает затылок
прости я не кароль войтыла

не то
никогда никого до такого смятенья
решётка окна вот мученье
прелестная тень её
разметка на глобусе
те перекрёстки сознания
где всё и случается с нами

14.

облако боли блестящей в межбровье
как зеркальце ото-ларин-голога́
выпись бедняга вернись на здоровье
к прежним границам и вся недолга

кто оторвался кто покатился
кто согласился на пустоту
кто из последних выбился сил и
не удержал клокотанья во рту

нет таких тихо сказали растенья
зеркальце боли снимая со лба
и подтвердили стены и тени
всё мироздание за тебя

15.

скатываются события
гулкие как ночные собаки
скалы раскачиваются
обрушиваются во сне

отойти невозможно
становишься слабой как из бумаги
фигурка в рубашке
недокрашенной на спине

начинается наша эра
материк материнский
давно затопленный
снова всплывает со дна
пружина как на рессорах
письма отправлены вещи расплавлены
слоняюсь по комнате амазонкой топлесс не
в силах выйти из дома
а в сердце порох

наш материк всплывает во мне
дрожит бабочка ресничная
не узнавая родные заросли
что превратились в водоросли
порох подмочен дом обесточен
как непривычно всё
я выхожу
вот и твои корабли

16.

падающий на меня
тяжёлый день
в фортку боли голову продел
фурами гремя стёклами звеня
падает он на меня

это я тягучей ниткой шью
рыбам сна сквозную чешую
падают срываются с дерев
тучей птичьи тени на меня

ножницы для разрезанья дня
чик-чирик для измельченья дня
на мою иглу не обменять

падай день падение твоё
до дождей последнее шитьё

частный смысл как чаща поредел
эти рыбы видимо предел
падай день

17.

безумие привкус железа во рту
удерживай боже меня на свету
о бог грозовой мой читай между строк
сквозь тающую наготу

обыскивай лепет но ты не найдёшь
под ужасом трепетом логики ложь
всё зримо зверино рычит и кричит
живое шерстистое сплошь

глазастые вещи в засаде слова
всё требует пища и хочет порвать
меня на куски не покормишь с руки
как кружится голова

о древний молчащий мой молничей бог
здесь нёба порог клокотанья исток
я больше не выдержу я перейду
за мыслимую черту

черти предназначивай сбудется бус
рябинное горькое пламя и пусть
я выйду из тела нет я не боюсь
в светящуюся наготу

18.

ты приезжаешь
нежу твоё пробужденье
прячу лицо своё
в наволочку
наважденья
на расстоянья
от расставанья
до совпадения
буду бродить
буду дрожать целый день я

как же любимы
города кадры
картинки
голуби туфельки
крошки скамейки
ботинки
платья нелепой расцветки
осколки бутылок
пластика вилок
и скомканные салфетки
джипы блестящие
скромные велосипеды
ржавые шпингалеты
стеклопакеты
белые воротнички
подворотни отпетых
набережные и парапеты

если ты встанешь сейчас
то увидишь с балкона
всё что люблю незаконно
и незнакомо

старые лица
птичьи клювы
рваные листья
вывески
вырезки
шкурки
шнурки
и окурки

не говори
«твоя психика слишком лабильна»
просто проверь
паспорт билет и мобильный
если твой поезд задержится
если не встречу
я за рекой
за щёкой
или за речью

19.

разорвать существовать отдельно
или думать за пределами
всё свернуть в коробочку несчастья
или не прощаться

можно течь а можно осекаться
можно слушать шнитке с нарекати
никаких упрёков нареканий
ты сказал что я река

жгучий жгут из голоса и жути
я
прыжок без парашюта
я

тебе в ответ скажу ты
вечный ветра шум

хрупко всё мне остро и раскрыто
только долька вита
съеденная
хлещет мир в живые клетки
нет защиты фильтра сетки

как бы мне тут не напастерначить
как иначе
как бы мне тут не наэлоизить

близкое не сблизить

можно жить и целовать рябины
тенью голубиной
можно рваться загнанной волчицей
чуда не случится

можно нить держать и бестелесно
через луг лететь и лес но
жить нельзя себя не выдавая
выдоха стекло не выдувая

4 июля – 15 августа 2009

Соло для осеннего голоса

бабочка/человек

бабочка заполошная между рамами как человек
между водой и воздухом с сердцем склонённым влево
то ли лицом и рёбрами резать воду не поднимая век
то ли дожждаться отлива

искать времена свёрнутые в ракушке или вернуться домой
обнаружить в холодильнике глобальное потепление
от электричества отключиться
а потом учиться самому самой
разворачивать хрупкие сложенные в ключицах

Соло для осеннего голоса

пасмурный день смыкается за ресницами
голуби пёстрые с хлопотом ходят по лужам
лес с тобой хотели бы породниться мы
оплести тебя туже

джазовая труба
джазовая труба
тороплива правдива груба

в наших краях дворы заросли как урочища
всюду шмели настойчивые точно спорщики
всюду смятение листьев крушения пророчества
в вечер врезается ветер с июлевых пор ещё

джазовая труба
джазовая труба
режет нитки небесных рубах

лес переходит дорогу сухими доспехами
потрясают его полководцы из башенных сосен
клевера шапочки жёстче а всё же не к спеху нам
произносить слово тишайшее осень

джазовая труба
джазовая труба
желудей гладкотелых пальба

веки прикроешь увидишь условный овал лица
и другой и еще... силуэты уходят всё дальше
в цвете теряя картонные тени проваливаются
в арку фигуры превосходящей

джазовая труба
джазовая труба
убери мне морщинку со лба

что это значит безликие мы исчезаем
или к Лицу приближаемся множеством абрисов?
ветер лови он звенит он проходит низами
нежною медью тоскуй и немного убавь басов

джазовая труба
мысленная труба
гаснущая труба

Авангард

пикассо вылупляешься из яйца
обложенный ватой непонимания
по ту сторону твоего лица
образы сменяются как в синема не я
жить не могу без твоего искусства
в споре двух матисса выберу наверняка
но сиденье и руль велосипедиста
вправду лучшая голова быка

Аэропорт

ветер присыпанный сумерками или пеплом
тело ослепло
тычется точно броунова частица
суетится
ты запаяна в нём как в дорожном платье
без застёжек
приросла после всех заплаток
и заштопок
улетай душа
как бы ни был багаж твой тяжёлый
пристегнись потуже
как резка с любимым зримым
твоя разлука
только космос слуха
только свист пространств безмерных
необратимых
слабый привкус дыма

Путешествие

Америка колеблющаяся
от Уитмена до наших дней
что мне делать с ней
этой банкой с томатным супом
(Уорхол выглядит гениально глупо)
откроешь — не закрывается
Америка
читая тобой себя
думаешь: не судьба

Америка есть ли ты
огни твои не померкли
поначалу мерка
свободы потом —
фантом
досрочное лето
мираж перелёта

Америка ты — «никогда»
домашнее «наоборот»
там ходят индейцы с прекрасными головами
задумчивых лис
Америка здесь
улыбкой колгейт засияем едва мы

Возвращение

ржавые рельсы заброшенного полустанка
зона сухая трава
жёлтая жестяная банка
возле рва

всё что случилось в небесных сферах
леса помнит санскрит
как измерить в каких амперах
смысл что в тебе искрит

здесь впитаешься станешь дёрном
родины а затем
новым прахом огнеупорным
думающим зачем

Звукошар

Дождь стекает в воронку двойного дня.
Перламутровая видна
складка воздуха. Под затихающее ворчанье
жестяного жёлоба тянется за тобой
комната в беспорядке. Какой-то сбой —
и кровь бежит без оглядки.

Здесь и там. Проснувшись между строк
или в просветах листьев чудится бог
неназываемый, незнакомый.
Он и есть сжимающий горло ком,
звукошар — а потом уже выдох, дом,
покидаемый босиком.

Байкал

Перебирая пальцами, человек замечает: кисть —
это плавник. Из солнечного однажды
мир возник. Помнишь, озеро, проводник
вечной жажды?

Равновеликие среды — воздух, вода и твердь
(звук, написанье, автор) —
сплавились воедино. И слово уже не ответ,
но отверстие в завтра.

Точно капли дождя, по стеклу роговицы
рыба, листок, амёба
мечутся и стекают. Подводная птица
просится в небо.

Толща воды в разломе земной коры,
столб временного гуда —
тот же хаос-космос, что в слове сокрыт,
в слово-линзу виден отсюда.

Поэт

внимание вздёгнутое бессонницей и
кукла тела отдельно на подоконнике
снимаешь как дёрн распавшиеся слои
отказывающей силлабо-тоники

сонное дуло держит тебя на прицеле
ты за мягкостью тела
у тебя аллергия на общеизвестные факты
ну и чудак ты

не пытайся понять как устроено утро
каким этот день заготовлен
медитируй соавтор не указанный в титрах
над обедом из пары картофелин

сонное дуло держит тебя на прицеле
ты за мягкостью тела
ты игнорируешь общеизвестные факты
разве выживешь так ты

что-то мерцает в просветах меж листьями
невозможное обещание
только такому тревожному лишнему
ты доверяешь ища его

чёткое дуло держит тебя на прицеле
пуля — косточка в теле
здесь бесполезно сопротивление фактам но
будущее распахнуто

Мой бог тревог

* * *

Зима приблизилась, а птица пролетела,
как миг, как вскрик.
Так не летает тело.
Зима, зима...
Но разве в этом дело?

Я имярек.
Реку, река, рекою.
Кто разрешил мне жидкой быть такою
и неустойчивой?
Себя я беспокою.

Кто объяснит запутанной, как волос
с расчёски,
что есть горы, горечь, голос?
Той, что скользит меж смыслов,
точно полоз?

Когда зима придвинется вплотную,
увидишь ты в зрачках моих цветную
решётку вещества.
Я не плесну.

И вот она предчувствием нависла.
Как много в твёрдом горечи и смысла!
Мозг холоден.
Он испускает числа.

Я видела,
когда была водою:
любое тело дорожит юдолюю,
дрожит во тьме,
теряется в раздолье.

Теперь, сама очерченное тело,
я поняла границу, край удела.
Твоя потеря,
я тверда, как терра.

Прихваченная поздней мерзлотою,
смотрю, как побурело золотое
и выветрилось сложное в простое.
Зима пришла.

* * *

человек остывающий прах звёзд
превращается в скрипку тела и
пропадает в лесу из нагретых гнёзд
слышится се-ля-ви

на поляне пёстрых существ сбор
микрофон и четверо в пиджаках
говорят о власти в своих руках
это гарь во рту или страх

просыпаясь путая этот свет
и оттуда знак что понять не смог
человек прячет скрипку тела в смех
как в футляр и выходит в смог

о подводная лодка скупого дня
не всплывай в доверчивых водах сна
это дерзкое солнце младше огня
сгоревшего для меня

* * *

Скудность осени ранней. Встревоженные поля,
мятые листья мутно-зелёным маревом.
Птицы ещё не кричали «пора-пора»
в воздухе марлевым.

Но исчезла слепая радость, и времена,
обступив, узелками наружу концы-начала
выставляют. Проходим и мы. Что ж, пей люминал,
никого не печалю.

Этих заморозков поутру, этих тусклых сдающихся дней
ничего нет пронзительней, ничего безнадежней
в снулой рыбе автобуса. Осень нежней,
если рядом идёшь с ней.

* * *

Рыжий глаз, раскалённый диск,
нестерпимый небес круг,
огнежидок, далёкодик,
силы земли напруг.

Прямоходящий упрямый друг
всех катастроф, как бы юн-упруг
ни был, наглец, человекобык,
ты перед солнцем наг.

Площади в листьях уже желтей
жара пульсирующих лопастей.
Горла заржавленный жёлоб встык
с пластиком жить привык.

Стёрт в пыльцу, горизонт обмяк.
Нестерпимо дымится бок.
Ярый диск от трудов-ошибок
завтра оставит пшик.

Принимая любой исход
ради новых, гордец, существ,
в жертву тела упавший плод
неси как последний жест.

* * *

гаснет нежная листва
спутанная шерстяная
никнет солнца голова
всё замедлилось я знаю
убывают но ползут
тусклы и шероховаты
силы дерева и в жгут
как же скручивать свивать их
как же осенью расти
всем растерянным и хрупким
что лишившись радости
ждут конца распила рубки

* * *

закончена тетрадь длиною в год
распахнутый последний разворот
вот поле снов
и кладбище острот

что я могу переходя его
успеть понять
почти что ничего
признать родство

с деревьями клонящими тела
к жемчужной жизни
так она мала
что схлопнешь створки век
и проспала

родство с тугой ещё сплошной травой
она стоит пехота мировой
раздетый слабый и отважный строй

сказать успею облаков пути
таинственны как небо взаперти
в зрачках любимых
мимо не пройти

аморфней неустойчивей воды
здесь ты и тот кем был когда-то ты
сама не-я
гляжу из-за черты

как трудно быть не в фокусе твоём
а кануть в воздух точно в водоем
не помня смысла слов
«двоих» «вдвоем»

искать союзников в простых вещах
горячим чаем запивая страх
смотреть в окно
и возвращаться в прах

осталось места здесь на десять строк
как ты прекрасен как глубокий и строг
мой дикий космос
мой косматый бог

я не боюсь
пишу и говорю
за этот год тревог благодарю
мой бог тревог
я справлюсь к декабрю

* * *

Счастье дискретно, как шов на живую нитку,
смятый пунктир смятенья. Но, став улиткой,
нежность ползёт неуклонно по самому краю.
Как спасти её, я не знаю.

Знаю дрожанье ресниц, буквенный ветер,
что прошлолетнюю зелень с деревьев вытер.
Сердце повисло меж небом и хрустким грунтом
дырочным грузом, меж Кафкой — Прустом.

Та, кого все мы знали, должно быть, мною,
быстро уходит, скрыта стеной сплошною.
Что теперь принцип «я»? Только рана зренья,
новое без повторенья.

Где неорганика или живая природа,
не распознать. Ни границы, ни точки схода.
Там, где планеты-клетки когда-то были,
вновь раскалённое облако звёздной пыли.

Мы были зимним человеком

* * *

Как я люблю, когда водоворот
воздухоплателей хрупкие фигуры
затянет, утлый дирижабль порвёт,
друг к другу бросит, чтоб дышать рот в рот —
не талой смертью жидко-бурой.

Выходит сердце на водовосток.
Оно сейчас звеняще и прозрачно,
оно окно и зрение — одно,
оно паденье гулкое и дно,
растущий мир, барочный и барачный.

Во рту кровит весёлая весна.
Держи меня, дыши меня без сна.
Смотри: опять приходит снегозапад.
И станут льдом и воздух и вода.
Мы тоже будем капсулой из льда,
хранящей запах.

* * *

снег спешился пошёл по кругу
и встал в медлительных проёмах
дверей и окон нараспашку
многоэтажки
увидев как он цвет очистил
и переняв его приёмы
мы выбежали друг из друга
как дом из дома
там были комнаты из слуха
там были сумерки как спальни
мы думали горизонтально
о смысле чисел
и вверх смотрели о едином
шёл поединок сна и лиха
мы были зимним человеком
с пыльцой на веках

* * *

по ту сторону зренья проталины пятна
пятничны и не понять и не обнять нам
всё что вместилось сместилось в воздухе мятном
свежем и смятом

непостижимы провалы и зависанья
в клетках раскрытых в солнечном лимбе касанья
рыбы-восьмёрка мы и мгновения-звенья
на острие исчезновенья

как ты выводил корабль из придонного плена
переходя море оно по колено
тебе ты со мной невероятного роста
я с тобой полуостров

пересекая среды готовясь к полёту
ты наделяешь время прозрачную плотью
я же то ветер в деревьях то линза в подзорной
трубе то любимая кукла в рубашке разорванной

* * *

Забито досками скудеющее зренье.
Забито тело вкривь на спинке стула.
И как разлуки руки ни порань я,
всё будет луково и снуло.
Как рыбный день, пустой ответ «неплохо».
Как заметать следы переполоха
и нитку речи, распуская плечи,
вернуть на спицу слуха.

* * *

болезнь ребяческая лечит
закатываясь под кровати
в горячие жгуты предплечья
скрутив чтоб легче

дни вязнут хочется порвать их
в клочки и кто-то дует в руку
чтоб время сыпалось по кругу
узкоколейно

дотрагиваясь до колена
бежит судьба по полустанкам
застенчивая по застенкам
и веткам тонким

и если скатишься по склону
то в озеро влетишь в сегодня
как в зеркало что многоводно
под плена плёнкой

* * *

Паденье листа производит шорох внутри меня.
Как ты думаешь, где мы?
Стоим у окна? Растём за окном? У огня
сидим, вырезая тотемы?

Или стёртой тропой пробираемся на водопой?
Ты меня укрываешь собой,
когда появляются — это отдельная тема —
охотник и демон.

Скупы превращения-вращения усталых зениц.
Катаются яблоки зренья.
А может, с тобой состоим мы из зёрен и птиц,
паденья-паренья?

Когда появляется демон, ты тело кладёшь,
как снег, укрывая,
и даже старинного страха знакомая дрожь
не выдаст ему, что живая.

* * *

зачем в крови циклическая речь
буксует беспрестанно
когда ей нужно вдаль бежать и течь
в другие страны
как странно быть и раной перестать
и рано прекратиться
с бумаги правленной как береста
десятой запятой скатиться
измучен парк шагами поперёк
он без ворот
он колесо из строк
он беззащитен и распорот
и вновь зашит как ворот

* * *

Ладонь оторвана и, как плотва, плывёт
в реке. Тоску не переходят вброд.
Где звук «прости» и птица как петит,
она блестит.

Закрой глаза и уходи в тоннель
прозрачных тел, он так тебя тянул.
Но если Нил последних сил есть мель,
то тыльный мир не утонул.

Из забытья, из бульканья во рту
кипящих слов, из тела на свету
рождается подземная тоска
без островка.

Косматится изнанка вещества.
А медленного счастья голова
так падает, и остро так жива
ты! Что и есть едва.

Хрустальные любовники

Хрустальные любовники обмениваются головами.
Это таинство не подсмотреть.
Что-то бежит, разматываясь, за словами.
Кажется, смерть.

Двое вращаются в комнате-кругосветке,
виснут в космическом корабле.
Тонкая смерть неприметной расцветки
стелется по земле.

Где-то в дыму отчаливают сухогрузы,
отчаиваются пьющие моряки.
Вернувшиеся робинзоны крузо
задевают за притолоки и косяки.

В завязях мёрзнут торопливые вишни,
тело тюльпана купается в хрустале.
...Люк приоткрыли и в космос открытый вышли,
оставив часы на столе.

Стрелки идут, ничего не заметив.
Тот, кто звеняще, прозрачно влюблён,
нежные сумерки раскатывающейся смерти
снова сворачивает в рулон.

Содержание

Краткосрочный свет

«опять озноб восторг канатоходца...»	4
«мозга зверёк бессонный...»	5
«Небо такое блестящее, что кажется, будто летит...»	6
«Птица падает вниз, а человек...»	7
«рыбы машин плывут почти задевая друг друга...»	8
«Моя родина — ты, белый воздух и после дождя...»	9
«Жизнь убегает, точно муравей...»	10

День прибывает

«нежный шар винограда фонаря...»	12
Мemento мори	13
Комната-кит	14
«запутанность веток растущих из струнных концертов...»	15
Пробуждение	16
День прибывает	17
«птицы с шумом падающей штукатурки...»	18

Буковка осталась

«Вечер красив, точно первобытный пейзаж...»	20
«Собаки по полям средневековья...»	21
«Уходишь вглубь дупла, в смолистые места...»	22
«из завитка волос здесь вырастает лес...»	23
«в автомобильной капсуле в темноте...»	24
«Не сбивай меня с толку...»	25
«всё остыло буковка осталась...»	26
«я мама и мамонт а шкура у меня внутри...»	27

Книга реки и осоки

0. «смыслы воздуха плотнее чем гранит...»	.29
1. «наводнение а сердце не может плавать...»	.29
2. «паника почва уходит под воду...»	.31
3. «путаю кнопки и полушария...»	.31
4. «зверь нетерпение замер заперт...»	.32
5. «я только и могу что идти по волнистому воздуху...»	.32
6. «вот и конец месяца смерть обещалям...»	.34
7. «жёлудь без шляпки закатывается под босую...»	.36
8. «ожидание поднялось...»	.37
9. «утром шнитке перевернутый шлем...»	.38
10. «ничего и не будет будто...»	.40
11. «лист августейший прожилки твои целую...»	.41
12. «дерево погибает...»	.42
13. «свобода прохлада а большего счастья не надо...»	.43
14. «облако боли блестящей в межбровье...»	.44
15. «скатываются события гулкие как ночные собаки...»	.44
16. «падающий на меня тяжёлый день...»	.45
17. «безумие привкус железа во рту...»	.46
18. «ты приезжаешь...»	.47
19. «разорвать существовать отдельно...»	.48

Соло для осеннего голоса

бабочка/человек	.51
Соло для осеннего голоса	.52
Авангард	.54
Аэропорт	.55
Путешествие	.56
Возвращение	.57
Звукошар	.58
Байкал	.59
Поэт	.60

Мой бог тревог

«Зима приблизилась, а птица пролетела...»	.62
«человек остывающий прах звёзд...»	.64
«Скудность осени ранней. Встревоженные поля...»	.65
«Рыжий глаз, раскалённый диск...»	.66
«гаснет нежная листва спутанная шерстяная...»	.67
«закончена тетрадь длиною в год...»	.68
«Счастье дискретно, как шов на живую нитку...»	.70

Мы были зимним человеком

«Как я люблю, когда водоворот...»	.72
«снег спешился пошёл по кругу...»	.73
«по ту сторону зренья проталины пятна...»	.74
«Забито досками скудеющее зреньё...»	.75
«болезнь ребяческая лечит...»	.76
«Паденье листа производит шорох внутри меня...»	.77
«зачем в крови циклическая речь...»	.78
«Ладонь оторвана и, как плотва, плывёт...»	.79
Хрустальные любовники	.80

Инга Кузнецова. Воздухоплавание.

редактор:

А. Переверзин

вёрстка:

О. Ботина

технический редактор:

О. Тузова

корректор:

Е. Горшкова

В оформлении обложки использована фотография из архива братьев Райт (Библиотека Конгресса США), 1902. Автор фото на последней странице — Анатолий Степаненко.

издательство **«Воймега»**

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 ¹/₁₆

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Момент»

Инга Кузнецова родилась в Краснодарском крае, детство провела в подмосковном городе Протвино. Окончила факультет журналистики МГУ, училась в аспирантуре кафедры философии. Работала в журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», вела программы о литературе на «Радио России». Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Арион», «Дружба народов», «Октябрь», «Новая юность». Автор книг стихов «Сны-синицы» (2002) и «Внутреннее зрение» (2010). Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Москве.